

За Сталина, за счастье, за мир—голосовал советский народ!

Репортаж специальных корреспондентов «Литературной газеты»

В МОСКВЕ

В горячих, лампочках, портретах
От всех окраин до Кремля,
Москва проснулась до рассвета
В морозной дыне февраля,
И, точным сроком впереди,
Уже идут к участкам люди —
И молодежь и старики,
Вздыхая воздух полной грудью.

Идут! — Нет, шествуют! — Такое
Достоинство в походе их.
Слияние силы и покоя
Царит на улицах прямых,
Где контуры высотных зданий
Повсюду высится, лучась.
Москва прекрасна в этот ранний,
Торжественный и мирный час.

На всех устах, на всех плакатах —
О мире гордые слова.

Мир защищает те депутаты,
Которых выбирает Москва!
Наш вождь великий и мудр, как Ленин.
Сегодня в округе любом
Мы, опуская юбилеты,
Ему свой голос отдаем
Он — наша жизнь, мечты, победа,
Он — наши мысли и дела.
Его вчерашняя беседа
Такую силу нам дала!

Народная бушует радость
По всей стране, по всей земле.
Москва — душа в Ленинграде,
Как Ленинград — душа в Кремле.

Евг. ДОЛМАТОВСКИЙ
МОСКВА. 18 февраля

Тбилиси, Советская улица

Звучит над крышей сборочного цеха
Знакомый голос раннего гудка.
И маевровый паровоз, как эхо,
Откликался у меня издалека.
За городом призывные горы
Еще обняты сумраком и сном.
Но утро поднимает семафоры.
Над железнодорожным полотном.
Поднял снег. И на откосах мокрых
Проталины в предутреннем дыму.
Здесь шел когда-то Сталин.
Этот округ,
Как молодость,
Запомнился ему.
Запомнил он рассвет поры неблизкой,
Железный гул ремонтных мастерских,
Проулочки окраины тбилисской,
Огни дено и паровозный дым.
И в этот день, быть может, вспомнил
Стalin

Те годы, что сегодня далеки,
Те мастерские, где у наковелен
Работали его ученики.
Он к ним спешил,
Он чувствовал почами,
Когда читал при лампе «Капитал»,
Как вырастают крылья за плечами
И мысли превращаются в кристаллы.
Он к ним спешил,
Взволнован и юный,
Прижал к груди броню Ильича.
И цепь рельсы, как стальные струны,
Шли составы, глухо грохоча.

— Минули дни.
И год прошел за годом,
Бесспумно снег роняя на виски,
И мастерские сделались заводом,
И зрелость обрели ученики.
И, побеждая трудности науки,
Теперь стоят в прогрессе у станков
Мужающиеся сталинские внучки,
Ученики его учеников
А тот, кто здесь на бой святой
и правый
Повел впереди гвардию труда,
Теперь ведет народы всей державы
Навстречу коммунизму сквозь года.
И лишь вчера, снова
Мы все с сыновней радостью прочли
Отцовское заботливое слово
Борца за мир и счастье всей земли.
... Вдали разастал паровозный оклик,
Тбилисский день теснит ночную тьму.
Здесь шел когда-то Сталин.
Этот округ

Клянется слова в верности ему!

И чудится, что свет с кремлевских
башен
Струится в это утро на него.
Снег у дверей февральским временем
вспенен,
Но пьедестал все зеленым обвит,
И перед избирателями Ленин
Лицом к Советской улице стоит.

Шесть раз часы торжественно
пробили,
И улыбнулся, в залу проходя,
Седой горец Цхикиташвили,
Свидетель ранней юности вождя.
Сбираясь в путь, он взял с собой из

Горы
Лиахви шум в рощ атенских теней.
С неугасимой радостью во взоре
Он первым опускает юбилеты.

Февральский снег за окнами кружится,
И чистым светом в комнату течет,
И освещает праздничные лица,
И покрывает улицы переплет.

Живой свидетель первых вспышек
Страны!

Пожатье рук. Взволнованные взгляды.
Среди других мы видим трех

дружков:
Из молодежной комплексной brigady:
Остячников, Жуков и Сыков.

Тут строгий, фрезеровщик и расточник.

Когда у них с последними станками
Сходит деталь, она точнее точных:

Она не поступает в ОТК.

Пришли на избирательный участок
Старик Маркелов и его жена.

В поселке ВИЗа* их встречают часто.

Такая пара уж навек дружна!

И на участке всем давно знакомы
Отец и мать десятерых детей.

Среди других узнаем их легко мы,—
Что нашей честной старости святей?

Они сегодня встали на рассвете
И по снежку скрипучему прошли.

Вдвоем, как прежде... Выросли их

дети

И чуть не все семейство забавились.

В родном доме соплили они под

вечер...

И взрослых тоже манят отчий кров,

И получилось что-то вроде встречи

Ильи, вернее, слета мастеров.

Вы посмотрите: истинное счастье —
В кругу детей, давно влюбленных

в труд,

Переживает постаревший мастер...

... Синела даль, и скрадывался пруд.

Но, весь в порывах ветра ледяного,

Огни ночных город собирали...

За мир, за труд, за Сталина родного

Могучий голос отдал мой Урал!

* ВИЗ — Верх-Исетский завод.

Константин МУРЗИДИ

СВЕРДЛОВСК. 18 февраля. (По телеграфу)

Голос моего Урала

Урал. Свердловск. УЗТМ.
Четыре буквы. Марка заводская.
Всего лишь марка. Но зато какая!
Она достойна песен и поэм.

Об этой марке говорят любовно.

И честь ее ревниво берегут.

К такой не отнесешься

хладнокровно,—

Она венчает вдохновенный труд.

И тех, кто поднял марки этой славу,

За качеством продукции следят,

Тех награждают орденом по праву.

Тем присуждают премию вождя.

И вводят в Зал Верховного Совета

и говорят: «Решай дела страны!»

УЗТМ. В луках, в потоках света

Четыре буквы далеко видны.

Над ними флаг. Священный герб над

ними.

В огнях Орджоникидзе района.

Георгий Химич? Знаем это имя.

Наш кандидат. Вполне достоин он.

Работает успешно, неустранно

Среди привычной чуткой тишины

Конструктор рельсово-балочного стана

Машины, ставшей гордостью страны.

Прокатный стан отечественной

марки —

Он лучше заграничных образцов.

Отечеству всегда цениней подарки

Не просто коллектива, а творцов.

И, светлым чувством движимы, едини.

Мы голосуем, партии верны,

За новые чудесные машины!

За творчество, за честь родной

страны!

Пожатье рук. Взволнованные взгляды.

Среди других мы видим трех

дружков:

Из молодежной комплексной brigady:

Остячников, Жуков и Сыков.

Тут строгий, фрезеровщик и расточник.

Пришли на избирательный участок

Старик Маркелов и его жена.

В поселке ВИЗа* их встречают часто.

Такая пара уж навек дружна!

И на участке всем давно знакомы

Отец и мать десятерых детей.

Среди других узнаем их легко мы,—

Что нашей честной старости святей?

Они сегодня встали на рассвете

И по снежку скрипучему прошли.

Вдвоем, как прежде... Выросли их

дети

И чуть не все семейство забавились.

В родном дому соплили они под

вечер...

И взрослых тоже манят отчий кров,

И получилось что-то вроде встречи

Ильи, вернее, слета мастеров.

Вы посмотрите: истинное счастье —

В кругу детей, давно влюбленных

в труд,

Переживает постаревший мастер...

... Синела даль, и скрадывался пруд.

Но, весь в порывах ветра ледяного,

Огни ночных город собирали...

За мир, за труд, за Сталина родного

Могучий голос отдал мой Урал!

* ВИЗ — Верх-Исетский завод.

Константин МУРЗИДИ

СВЕРДЛОВСК. 18 февраля. (По телеграфу)

Константин СИМОНОВ

обсуждаем вопросы мастерства

В журнале и на сцене

1.

Когда я переверну последнюю страницу в ноябрьской книге журнала «Семьи» пьесы братьев Тур и И. Пырьева «Семья Лутонинов», мне невольно вспоминаются последние страницы этого произведения.

Молодой инженер летит с Дальнего Востока в Москву для того, чтобы доложить правительству об окончании первой очереди стройки. Позади борьба, преодоление трудностей, выдержка, упорство, героизм.

Закрывая книгу В. Аксакова я вспоминаю еще о членстве в коллегии, о легкой истории побега, — это известно читателю из всего содержания книги.

Но вот старого мастера литецника Лутонина вызывают в Кремль на заседание правительства. Он должен рассказать, каким образом новый, сверх прочный сорт чугуна, как доведено до конца открытие, знаменующее собой переворот в промышленности.

Очевидно, он рассказывает в Кремле о том, как создавали сверх прочный чугун, как работал над этим коллектив, как приложился преодолевать трудности, проповедовать выдержанку, упорство, геройзм.

Должно быть так. Но только должно быть. Пбо читатель, зная какими последствиями оканчивается эта встреча, знает, что не может, ибо не знает. Не знает, ибо почти ничего этого не показано в пьесе: ни выдержки, ни геройства, ни героязма, он рассказывает в Кремле о том, как создавали сверх прочный чугун, как работал над этим коллектив, как приложился преодолевать трудности, проповедовать выдержанку, упорство, геройзм.

Однако если дальше проанализировать пьесу, то нетрудно убедиться, заглавие на странице журнала «Семьи» не соответствует действительности.

НОВЫЕ КНИГИ О НАУКЕ

3.

Есть старое латинское слово «компенсум». Оно означает сжатую сводку знаний. Миллионы наших читателей — и те, кто уже интересуется к книге, и те, кто еще интересуется к книге в детском саду, — потребуют от своей эпохи вот такого компенсума, чтобы он помог им охватить созданное человечеством за несколько веков. Но компенсумы бывают разные. Известно, что американцы немало носились с затеей механического упрощения науки и создания для своих колледжей чего-то вроде краткого путеводителя по научным дисциплинам, не отнимающего много времени у будущего бизнесмена. Такого мерзотного механического компенсума, где рядом лежат по главам, под титулами, разделы науки — «физика», «химия», «биология», — советским читателям не нужно; они хотят творческой сводки, такой сводки, которая позволила бы им образовать себя, подняться до подлинной образованности, до усвоения в связи между науками, единства законов, лежащих в основе их, то есть, значит, такой сводки, где эта связь, это единство были бы налицо. Империалистическая культура не в силах ее создать. Лишь революционное учение Маркса — Ленина — Сталина может дать основу для ее создания. Весь опыт нашего научного творчества толкает нас к выработке такой именно сводки.

Те, кому довелось в истекшую третью веку побывать на всевозможных научных сессиях и конгрессах, а может быть, и самим поучаствовав в высших школах нового типа, не могли не подметить тяги к объединению между самими науками. Специализация знаний дошла до такого предела, при котором она уже начинает переходить в свою противоположность: науки, как однотипные тоннели, дующиеся с разных концов, — при каждом продвижении вглубь, при каждом снятии нового слоя земли, все ближе и ближе к смычке, все тоньше и тоньше стена между ними, смычнее и смычнее звуки работ по обе стороны этой стены. Во время Отечественной войны многие науки работали сообща над выполнением одной задачи: эта задача так и называлась учеными — «комплексной». В отчетах на уральской сессии Академии наук говорилось о том, что для советских физиков характерно развитие проблем, лежащих на границах между различными областями наук, и работы в этих периферийных зонах, они понемногу затягивают, закрывают пробелы между физикой и химией. Затянулся пробел и между различными областями физиологии — единство павловского метода как бы прошло их; затягивается пробел и между различными областями биологии — единство мичуринско-лысенковского метода пронизывает их между самыми этими методами, павловскими и мичуринскими, все явственнее проступает внутреннее единство, и вот уже начинают ставить между ними связующую черту — звезду тире. Это отнюдь не снимает необходимости специализации, углубления каждой научной дисциплины. Но это дает возможность мыслить науки в связи.

Очень интересный процесс происходит в той области, где, оконавшись, сидела сотни лет таинственные «абракадабры» — науки терминологии. Помню, в 1935 году на XV международном конгрессе физиологов работники печати, вынужденные делиться разными темами, боялись издать в своем издании терминологии, потому что представители этого конгресса не понимали. Наука одна — физиология; но биохимики имеют свою научную терминологию — биохимия — свои. Больше того, сами биохимики распадаются на десятки школ,

и у каждой школы своя терминология. Газетчики стояли: говорите человеческим языком! Они успокоились только тогда, когда видный биофизик одной школы сказал им совершенно серьезно, что он не понимает терминов другой школы и что вообще «кажется хорошо звучит только свое».

Некоторые чистые понятия математики обретают другие названия в электротехнике. Можно привести сотни других примеров из области этих «различных полумозгов», карнавальных домино, когда под различными названиями прятчески, в сущности, одно и то же явление. Ненормальность такого научного разночтения давно уже чувствуется учеными. Специальная комиссия десяти лет сидела и работала над сложной задачей унификации научных терминов, сведения множества наименений к одному. Результаты этих работ пока еще не видны. Но все равно, — процесс унификации уже происходит. Источниками названий просвещивают, сквозь них углубляешь одно и то же явление — и вот уже вспыхивает на множестве терминов один образ, один склон...

Таким образом, вспоминая о «захвате нового мира», — советским читателям не нужно; они хотят творческой сводки, такой сводки, которая позволила бы им образовать себя, подняться до подлинной образованности, до усвоения в связи между науками, единства законов, лежащих в основе их, то есть, значит, такой сводки, где эта связь, это единство были бы налицо. Империалистическая культура не в силах ее создать. Лишь революционное учение Маркса — Ленина — Сталина может дать основу для ее создания. Весь опыт нашего научного творчества толкает нас к выработке такой именно сводки.

Но все писатели, пишущие у нас о науке, задумываются над этим процессом. Но помимо их сознания каждая книга о советской науке, написанная первым десятилетием, сияет ярким светом. Б. Арапов в своем «Разговоре об электрическом мозге»

го языка, всех его «обольщенных», иначе не дойдет, иначе получится из огня да в попытках, из скучной пепельности в неподъемную скучину. Словом, чтобы хорошо писать о науке, нужны искусство. Популярность — настоящая популярность, а не вульгаризация и упрощение — кем-нибудь без элементов художественности.

Таким образом, вспоминая о «захвате нового мира», — советским читателям не нужно; они хотят творческой сводки, такой сводки, которая позволила бы им образовать себя, подняться до подлинной образованности, до усвоения в связи между науками, единства законов, лежащих в основе их, то есть, значит, такой сводки, где эта связь, это единство были бы налицо. Империалистическая культура не в силах ее создать. Лишь революционное учение Маркса — Ленина — Сталина может дать основу для ее создания. Весь опыт нашего научного творчества толкает нас к выработке такой именно сводки.

Можно привести сотни других примеров из техники в форме высокого философского раздумья, как это сделал Е. П. Порышик в «Быть», где автор сумел так увлекательно передать технологию сотни профессий, что даже старику-читателю хочется снова стать молодым и начать учиться.

Можно писать о науке в форме высокого философского раздумья, как это сделал Е. П. Порышик в «Быть», где автор сумел так увлекательно передать технологию сотни профессий, что даже старику-читателю хочется снова стать молодым и начать учиться.

Можно соединить анализ с образом, тональное проинтонование ученого-изобретателя с настоющим литературным талантом, как это получается у В. Орлова, созидающего свою собственную форму, экономию и музыкальность. Средствами художественного образа, литературных аналогий, неожиданных и необычайных смелых сравнений Орлов раскрывает перед читателем мир, поглощенный наукой, а также искаженные тайны самых сложных человеческих изобретений. Две его работы: «Рассказы о неизвестном» и «Русское солнце» ясно показывают, что уже зарождается новый метод художественного раскрытия науки.

Побывайте на секциях научно-художественной литературы в СССР, прислушайтесь к разговорам — там больше всего спорят о том, как лучше писать и можно ли ставить знак равенства между научно-художественным и научно-популярным.

Мне кажется, вся путаница и бесплодие этих споров вытекает из неточности и недостаточности такого деления. Оно занимает слово «популярный», о котором можно было бы привести столбы высказываний крупнейших мыслителей. Мы знаем, как высока расценка и каким необходимо считать умение писать популярно. Владимир Ильин Ленин. Сказать о трудах Арапова — не только наук, но и искусства, потому что живопись, архитектура, поэзия, скульптура, музыка всегда призываются Араповым в пособники рассказа. Это путь к полноценному художественному синтезу знаний, так необходимому для советского читателя. В наше великое время, когда необычайно, словно кончики проводов, обнажили связи вещей, пульсы наук, обращенные друг к другу, нельзя писать о развитии науки неизменно, не привлекая всех член искусств. Ильин, потому что и сами науки имеют к себе образы, и само искусство маинт к себе мысли.

Недавно мне довелось побывать в одном музее, существующем в мире в единственном числе, — другого такого на земле нет. При помощи тончайшего, изложенного на письме, языка, я мгновенно не только освоила эхолот, но и принцип радиолокации; и мыль, словно подсегнутая вспышкой молнии, стала уже

всего арсенала, всем скрытыми фондами этого.

Недавно я была в Баренцевом море на траулере, и моряки тщетно пытались разъяснить мне устройство эхолота, — я

одиним житейским языком, словами

одними, — требует большого искусства.

Книга о науке — это не то, что научная книга. В маленькой частице «о» заключен огромный смысл, в ней лежит подхой к предмету, а значит все строительные требования такого подхоя — необходимость легкости, увлекательности, прозрачности образа, композиции, стиля, — словом, искусства. Одним житейским языком, словами

одними, — требует большого искусства.

Книга о науке — это не то, что научная книга. В маленькой частице «о» заключен огромный смысл, в ней лежит подхой к предмету, а значит все строительные

требования такого подхоя — необходимость легкости, увлекательности, прозрачности

образа, композиции, стиля, — словом, искусства.

Недавно я была в Баренцевом море на траулере, и моряки тщетно пытались

разъяснить мне устройство эхолота, — я

одиним житейским языком, словами

одними, — требует большого искусства.

Книга о науке — это не то, что научная книга. В маленькой частице «о» заключен

огромный смысл, в ней лежит подхой к предмету, а значит все строительные

требования такого подхоя — необходимость

легкости, увлекательности, прозрачности

образа, композиции, стиля, — словом, искусства.

Недавно я была в Баренцевом море на траулере, и моряки тщетно пытались

разъяснить мне устройство эхолота, — я

одиним житейским языком, словами

одними, — требует большого искусства.

Книга о науке — это не то, что научная книга. В маленькой частице «о» заключен

огромный смысл, в ней лежит подхой к предмету, а значит все строительные

требования такого подхоя — необходимость

легкости, увлекательности, прозрачности

образа, композиции, стиля, — словом, искусства.

Недавно я была в Баренцевом море на траулере, и моряки тщетно пытались

разъяснить мне устройство эхолота, — я

одиним житейским языком, словами

одними, — требует большого искусства.

Книга о науке — это не то, что научная книга. В маленькой частице «о» заключен

огромный смысл, в ней лежит подхой к предмету, а значит все строительные

требования такого подхоя — необходимость

легкости, увлекательности, прозрачности

образа, композиции, стиля, — словом, искусства.

Недавно я была в Баренцевом море на траулере, и моряки тщетно пытались

разъяснить мне устройство эхолота, — я

одиним житейским языком, словами

одними, — требует большого искусства.

Книга о науке — это не то, что научная книга. В маленькой частице «о» заключен

огромный смысл, в ней лежит подхой к предмету, а значит все строительные

требования такого подхоя — необходимость

легкости, увлекательности, прозрачности

образа, композиции, стиля, — словом, искусства.

Недавно я была в Баренцевом море на траулере, и моряки тщетно пытались

разъяснить мне устройство эхолота, — я

одиним житейским языком, словами

одними, — требует большого искусства.

Книга о науке — это не то, что научная книга. В маленькой частице «о» заключен

огромный смысл, в ней лежит подхой к предмету, а значит все строительные

требования такого подхоя — необходимость

легкости, увлекательности, прозрачности

образа, композиции, стиля, — словом, искусства.

Недавно я была в Баренцевом море на траулере, и моряки тщетно пытались

разъяснить мне устройство эхолота, — я

одиним житейским языком, словами

одними, — требует большого искусства.

Книга о науке — это не то, что научная книга. В маленькой частице «о» заключен

огромный смысл, в ней лежит подхой к предмету, а значит все строительные

требования такого подхоя — необходимость

легкости, увлекательности, прозрачности

образа, композиции, стиля, — словом, искусства.

Недавно я была в Баренцевом море на траулере, и моряки тщетно пытались

разъяснить мне устройство эхолота, — я

одиним житейским языком, словами

одними, — требует большого искусства.

Книга о науке — это не то, что научная книга. В маленькой частице «о» заключен

огромный смысл, в ней лежит подхой к предмету, а значит все строительные

требования такого подхоя — необходимость

легкости, увлекательности, прозрачности

образа, композиции, стиля, — словом, искусства.

Недавно я была в Баренцевом море на траулере, и моряки тщетно пытались

разъяснить мне устройство эхолота, — я

одиним житейским языком, словами

одними, — требует большого искусства.

Книга о науке — это не то, что научная книга. В маленькой частице «о» заключен

огромный смысл, в ней лежит подхой к предмету, а значит все строительные

требования такого подхоя — необходимость

Премьеру Эттили нужна ложь о Советском Союзе

ПОЧЕМУ БРИТАНСКИЙ ПАРЛАМЕНТ НЕ ПРИНИМАЕТ ЗАКОНА ОБ ОХРАНЕ МИРА, РЕКОМЕНДОВАННОГО ВАРШАВСКИМ КОНГРЕССОМ

Предложение Варшавского конгресса, который обратился к парламентам всех стран с призывом принять закон об охране мира, устанавливавший уголовную ответственность за пропаганду новой войны, уже претворено в жизнь некоторыми мудрыми правительствами в странах Восточной Европы. Многи попросили объяснить, почему британский парламент еще не принял такого закона.

Я вынужден сказать следующее: британское правительство при его нынешних настроениях не сделает и не разрешит сделать что-либо подобное. Возможность принятия такого закона настолько мала, что на вопрос моих советских друзей мне захотелось сперва легкомысленно ответить: «А почему слоны не растут на деревьях?», ибо в настоящее время первое слово же невероятно, как и второе.

Но вначале разрешите мне дать небольшое объяснение по поводу британского парламента и британского правительства в связи с упомянутым законом.

Если говорить о палате общин, то есть о выборной палате парламента, то она состоит из членов различных партий. В данный момент в ней представлены две главные партии — лейбористская и консервативная. Кроме того, имеется очень небольшая группа либералов, которые в связи с тем, что голоса лейбористов и консерваторов являются почти поровну, могутказать некоторое влияние при голосовании по важным вопросам в парламенте.

Правительство сейчас сформировано лейбористской партией. Вопрос о том, какие законопроекты следует внести в расмотрение палаты, фактически решает не парламент, а правительство. Согласно «нейнейшей конституции» Великобритании на ее нынешнем этапе развития, правительство настолько контролирует парламент, что последний не может и думать о каких-нибудь независимых действиях.

Теоретически отдельные члены парламента независимо от того, принадлежат ли они к правительству или к оппозиционной партии, имеют право вносить законопроекты; практически же это право настолько ограничено, что с точки зрения достижения тех или иных политических целей оно не имеет ровно никакого значения.

Помню, как в течение ряда лет после 1945 года, когда я сам был членом парламента, я добивался принятия законопроекта, направленного против фашизма и антисемитизма. Правительство было против, а потому ничего нельзя было сделать.

Я и те, кто поддерживал меня (одно время таких было много), понимали, что мы, отдельные члены парламента, не можем наставить достигнуть чего-либо, внеся наш «блеск». Дело ограничилось распространением законопроекта в частном порядке.

Таким образом, законопроект об охране мира может бытьнесен только через правительство. И вопрос о том, почему правительство Эттили не выывает, такой законопроект, по существу, является вопросом о том, почему это правительство игнорирует призыв Всемирного конгресса сторонников мира в Варшаве, представившего воду свыше 500 миллионов взрослого населения мира?

Объясняется ли это тем, что британский народ в целом не хочет мира? Разумеется, нет.

Британский народ в целом, а не только рабочие, искренне жаждет мира, несмотря на то, что в настоящий момент его толкают к войне. Англичане знают, что сначала бы современная война в условиях их густонаселенного острова; они совсем недавно испытали возмущение бомбардировок; они знают, насколько уязвимы их страны для блокады и голода; они любят свою родину и неизменно вспоминают о войне. Им надоси тяготы, вызванные прошлыми войнами; они возмущены тем, что задолго до того, как страна смогла занять раны второй мировой войны, их заставляют терпеть лишения ради подготовки к новой войне.

Потому же в таком случае наши министры не выполняют волю народа, стоящего за мир, и не идут путем к миру, включая запрещение всякого рода деятельности в пропаганде, которые могут поощрять подготовку войны?

Нынешнее британское правительство тесно связало себя с истерической, антисоветской политикой своих хозяев с Уолл-стрит и из Вашингтона, политики разжигания войны против социалистических государств. Эта политика в заставила британское правительство решиться на колоссальную программу перевооружения, на которую только в ближайшие три года будет затрачено 4,700 миллионов фунтов стерлингов (все это за счет сокращения остро необходимого строительства жилых домов, школ и больниц, медицинского обслуживания и мирной торговли), и согласиться на ремилитаризацию Западной Германии. Это перевооружение неминуемо приведет к войне, если только народные силы во всем мире не поднимутся, чтобы предотвратить ее.

На XVIII съезде коммунистической партии Советского Союза в марте 1939 года

◆
Д. Н. ПРИТТ,
председатель исполнительного
комитета защиты мира

◆

И. В. Сталин сказал, что в наше время правительству не так-то легко ввергнуть свою страну в агрессивную войну, не считаясь с общественным мнением. Он сказал: «Пытому фашистские заправили, раньше чем ринуться в войну, решали известным образом обработать общественное мнение, т. е. ввести его в заблуждение, обмануть его».

Это, конечно, проделывается в Соединенных Штатах совершенно открыто и крахло. В США правящий класс печати, по радио и в публичных выступлениях призывают к войне против социалистических стран, в первую очередь против Советского Союза. Высокопоставленные генералы требуют, чтобы на мирные советские города была брошена атомная бомба. Исторические слова и лихорадочные действия правителей Америки равнодушны к пропаганде и подстрекательству к агрессии.

Оказавшись в американской западне, британское правительство следует, по существу говоря, тем же путем. Но в Великобритании «обрабатывают» общественное мнение не более искусно. Лейбористским лидерам и правящему классу, который

принесли многое для мира, не разрешают

запрещение атомной бомбы, безусловно, должно

понимать, какие преимущества принесли бы его собственному народу и всему человечеству запрещение атомной оружия.

Оно, безусловно, должно стремиться за-

блевать как военного преступника правительство, которое первым применил атом-

яд. Преследованием сторонников мира, клеветой на Советский Союз британский премьер Эттили показал всему свету, какова цена его

БОГ ВОЙНЫ МАРС: — К сожалению, эта маска «миролюбивого демократа» больше не пригодна... (Рисунок художника Бирструпа из датской газеты «Ланд ог Фолк»)

контролирует промышленность и политику министерства иностранных дел, целикою добивается того, чтобы народ поддерживал политику ужасающего перевооружения, и вызвать военный ажиотаж в стране, где все еще не отменены производственные карточки, введенные во время прошлой войны, и где население каждый день сталкивается с новыми лицензиями и ростом цен.

Лейбористское правительство пытается убедить народ примириться со всем этим. Этого можно попытаться достичь уступкой кампаний в печати и по радио; для этого нужно, чтобы общественные и политические деятели лично и полноценно выражались в своих речах на растрасти наших национальных богатств на производство оружиев уничтожения.

Это и делается старым методом: народ старается заглатывать «красные яблоки» и заставить пойти на жертвы, которых требуют Соединенные Штаты. Этот «враг» — Советский Союз. Так военная пропаганда превращается в антисоветскую пропаганду.

Буржуазная печать в политических целях не требует открыто, чтобы национальная пропаганда атомные бомбы на советские города (и в конечном счете на нас нет атомных бомб!). Но они прибегают к фальсификации и к клевете на Советский Союз, чрезвычайно затруднив доступ правде этой стране к рядовым гражданам. От рядовых британских граждан скрывают, что советское правительство стоит за мир и выступает за разоружение, что в СССР Стокгольмское Всемирное соглашение о запрещении атомной бомбы было одобрено в Конгрессе сторонников мира, отказав почти всем депутатам из других государств в разрешении на въезд в страну.

Официальная поддержка Стокгольмского Всемирного соглашения, так же как закон об охране мира укрепили бы волю народа к миру, а для американских и британских империалистов крайне важно другое — укреплять состояние психологической готовности как англичанского, так и американского народа к войне.

Так что правительство будет и вперед

отвергать предложения о законодательстве, кающихся военной пропагандой и остальной антисоциальной и направленной против мира деятельности. Оно будет изыскивать возможно лучшие оправдания для такого отклада, пока не наступит день, когда простые люди заставят правительство изменить всю свою внешнюю политику.

Я убежден, что за последние несколько месяцев было много признаков и симптомов, говорящих о том, что в народе растут недовольство и тревога, которые охватывают все возрастное население, что делу мира посвящаются плакаты и открытые собрания, что весь советский народ участвует в пла-нировании мирного строительства и построении нового общества — коммунизма.

Вместо того английские печать, радио и государственные деятели (которые, разумеется, прекрасно знают правду) говорят нашему народу, что Советский Союз будто замышляет войну. Буржуазная печать пестрит антисоветскими статьями клеветников, которые изыскивают различную ложь, желая показать, что в СССР люди живут несчастливо. В то же время таким людям, как я и многие другие, которые воочию убедились в том, что советские люди счастливы и преисполнены оптимизма, — таким людям почти не лают возможности рассказывать в печати или о радио о виденном в Советском Союзе. Когда мы обращаемся в газеты или журналы с целью исправить лживые сообщения, наши письма и статьи обычно не помещают.

Каков же правильный ответ на вопрос, почему кабинет министров Англии не принимает закона об охране мира?

Потому, что находясь на службе у американских поджигателей войны, британское правительство не может не поддерживать активную антисоветскую пропаганду, не может не противиться открытию таких пе-

Пьер КУРТАД

Разоблачение клеветников

Французское общественное мнение о беседе товарища И. В. Сталина с корреспондентом «Правды»

Существует народ, и существуют про-должные правительства, пляшущие под ходу Вашингтона. Существует демократическая пресса, и существуют грязные листики, стремящиеся во что бы ни стало изискать действительность и любыми средствами — ложью, клеветой, тенденциозным умалчиванием фактов — оправдать политику подготавлившей войны, которая взваливает на плечи нашего народа невыносимое бремя налогов и тяжелых лицензий. Вот теперь, когда правительство Франции собирается передать гитлеровским офицерам командование над французскими войсками, беседа И. В. Сталина с корреспондентом «Правды» словно озарила наше положение ярким лучом света и прозвучала, как призыв к решительной борьбе за истину и мир.

Те, для кого это интервью явилось по-мехом в осуществлении преступных замыслов, воспользовались им как предлогом, чтобы развернуть новую кампанию против «коммунистической пропаганды» в СССР. Истину они называют «пропагандой», — это происходит потому, что, несмотря на все усилия изолгавшейся буржуазной прессы, беседа товарища И. В. Сталина с корреспондентом «Правды» тем не менее получает широкое распространение и доходит до сознания даже людей, до сих пор еще колебавшихся, но теперь начинавших уличать в пагоде клеветников, дурачивших их.

Им говорили, что Советский Союз не проводит демобилизации, а, наоборот, увеличивает численность своих войск. И вот И. В. Сталин в своей беседе не только заявил, что все это ложь, но и привел в доказательство доводы, звучащие особенно убедительно для такого народа, как наш. Французский народ повседневно ощущает на себе, что невозможно сформировать воинные приготовления с деятельностью на благо населения. Французские труялчики, которые уже на протяжении ряда лет являются свидетелями того, как снижается их жизненный уровень, как неуклонно растут цены, а налоги становятся все более и более тяжелыми, гораздо лучше разбираются в вопросах экономики, чем лейборист Эттили.

Господа из «американской партии» каждый день повторяют народу, что нужны жертвы, что нельзя иметь сразу и масло и пушки. Однако, поскольку масла становятся все меньше и меньше, населению все легче и легче понять, куда идут деньги его труда. Люди понимают: если Советский Союз может давать своим гражданам все больше и больше масла и других необходимых вещей, то это происходит потому, что производство пушек там не является, как у нас, главной заботой государства.

И поскольку врагам мира и Советского Союза необходимо найти оправдание тем жертвам, которых они требуют от нашего народа, они вынуждены иногда — даже ирония! — даже писать об успехах СССР, утверждая, что он может одновременно производить и пушки и масло. Но что же в таком случае должны лумать читатели реакционной прессы, которых годами твердили, что советская экономика вот-вот рухнет, а сегодня говорят, что эта экономика является сильной и прочной? Естественно, что у французов возникает недоумение, и они начинают спрашивать себя: в ладах ли эти люди с элементарной логикой?

Французский народ первым мыслить согласно правилам логики. О чем же говорят логика? О двух вещах: либо Советский Союз действительно способен одновременно познавать и передавать информацию, либо Советский Союз познает и передает информацию, но не в такой момент руководитель самого крупного государства в мире обращается к народам, к простым людям со словами: «Мир будет сохранен и упрочен, если народы возьмут дело сохранения мира в свои руки и будут отстаивать его до конца».

Я знаю, какие мысли возникают у людей, которые еще несколько месяцев назад, когда мы позывали на Стокгольмское Всемирное соглашение, отвечали нам: «Правы, но что эти люди больше не согласны мириться с положением, при котором их судьба и судьба их детей может зависеть от представителей маленьких латино-американских диктаторов, состоящих на солдатах в государственном департаменте США».

Заявление И. В. Сталина о том, что война вовсе не непримечательна, ободрило народы, которые уже на протяжении нескольких лет борются в интересах американской пропаганды. Эти люди больше не согласны мириться с положением, при котором их судьба и судьба их детей может зависеть от представителей маленьких латино-американских диктаторов, состоящих на солдатах в государственном департаменте США.

Нет, я не раб! — заявил И. В. Сталин. Это утверждение было одобрено в Генеральной Ассамблее по китайскому вопросу, превратившейся в инструмент войны, выразившей мысли самых широких слоев населения Франции. Сделанное И. В. Сталиным заявление по поводу того, что ООН не только не служил делу сохранения мира, но постепенно превращался в инструмент войны, выражает мысли самых широких слоев населения Франции. Со временем корейских событий и со временем последнего голосования Генеральной Ассамблей по китайскому вопросу Французское общественное мнение перестало верить в эффективность ООН, превратившейся в орган, регистрирующий решения, государственного департамента США, и пришло в убеждению, что такое положение таит в себе опасность расширения конфликтов.

Нет ни малейшего сомнения, что сделанный И. В. Сталином анализ этого вопроса вызвал одобрение не только сознательных сторонников мира, но и тех, кто, в течение долгого времени подвергался оглушающему действию американской пропаганды. Эти люди больше не согласны мириться с положением, при котором их судьба и судьба их детей может зависеть от представителей маленьких латино-американских диктаторов, состоящих на солдатах в государственном департаменте США.

Заявление И. В. Сталина о том, что война вовсе не непримечательна, ободрило народы, которые уже на протяжении нескольких лет борются в интересах американской пропаганды. Эти люди больше не согласны мириться с положением, при котором их судьба и судьба их детей может зависеть от представителей маленьких латино-американских диктаторов, состоящих на солдатах в государственном департаменте США.

Нет, я не раб... Я голодаю. И за день Сего дня мне Миллион вопросов задал Мой голод.

Я сказал ему в ответ: Да, знаю я, что по утрам встает Над миром солнце. Ярок солнце свет, Но я хочу, чтоб каждый день восход Всем предвещал и завтра и обед.

Да, вижу я пишущую на полях, Она отличным наливом зерном, Прочь уведут его на кораблях,

А я хочу не видеть смерть в зрачках Детей голодающих за пустым столом.

Да, я отвечаю голоду, враги У нас украли право жить, и мы В своих домах, как в камерах тюрьмы,

Но самой черной ночью сила тьмы Не гасит звезд высокие огни.

Нет, я не раб. Меня не запугать. А кто сочтет со мной стоящих рядом? Мы напу землю вырвем у врага.

Она для нас цветущим станет садом.

Перевод с французского Н. РАЗГОРОВОЙ

Обзор военных действий

в Корее

Развивая наступательные действия, части Народной армии Кореи и китайские добровольцы продолжают продвигаться вперед на всех участках фронта.

Как сообщает парижское ради